

Наседкина Надежда Игоревна

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(г. Гродно, Беларусь)
nasedkina_ni@grsu.by

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА *ТАБУ*
В ЯЗЫКЕ СМИ (ПО ДАННЫМ ГАЗЕТНОГО ПОДКОРПУСА НКРЯ)**

Рассмотрены особенности функционирования слова *табу* в языке СМИ (по данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка). Выделены семантические компоненты слова *табу*; актуализируемые контекстом, в том числе благодаря расширению границ лексической сочетаемости слова и его регулярному использованию в определенных лексико-грамматических конструкциях.

Ключевые слова: табу, запрет, язык СМИ, табуирование, детабуирование

The features of using the word *taboo* in the language of the mass media (according to the newspaper subcorpus in the Russian language corps) are considered. The main semantic components of the word *taboo* are marked, actualized by the context, including due to the expansion of the boundaries of the lexical compatibility of words and its regular use in certain lexical and grammatical constructions.

Keywords: taboo, ban, language of the media, tabooing, detaboo

СМИ представляют собой наиболее динамично развивающуюся часть речевой практики современного общества [1, с. 416]; анализ функционирования лексических единиц в текстах СМИ позволяет обнаружить важные характеристики актуального состояния языка и языковой картины мира. Объектом рассмотрения являются высказывания, включающие слово *табу*. В газетном под-

корпусе Национального корпуса русского языка по соответствующему запросу обнаружены 662 документа и 723 вхождения. Цель исследования – выявить особенности функционирования слова *табу* в языке СМИ с учетом динамической взаимосвязи между лексическим значением слова и актуальным контекстом его употребления [2] – языковым, коммуникативно-прагматическим, социокультурным.

Контекст позволяет как пишущему (автору), так и читающему (адресату) «проявить» смыслы слова, важные в данной коммуникативной ситуации и в данном текстовом пространстве. В словарях *табу* описывается как многозначное слово с двумя основными лексико-семантическими вариантами: 1) в значении ‘религиозный запрет, связанный с суеверными представлениями о сверхъестественных силах’ слово обозначается как этнографический термин или получает помету «устаревшее»; 2) значение слова, толкуемое как ‘любой строгий запрет на что-либо’, ‘вообще что-л. запретное, запрещенное’, квалифицируется в качестве вторичного и переносного. В текстах СМИ востребованным является слово *табу* во втором его значении; оно широко используется журналистами наравне со словом *запрет* при описании категоричных негативных предписаний, уже действующих или только устанавливаемых в различных сферах жизни общества (политике, экономике, культуре и т.д.), напр.: *Возможно, вскоре будет введено табу на упоминание национальности подсудимых в ходе судебных заседаний* (РБК Daily, 12.04.2007); *Нарушителем табу на лов рыбы во время нерестилища грозит уголовное наказание по статье 256 УК РФ...* (Комсомольская правда, 18.04.2009); *Самым скандальным табу у свидетелей Неговы является запрет на переливание крови* (Груд-7, 22.05.2005).

При функционировании слова *табу* ярко проявляется фреймовый характер его семантической структуры, отражающей стереотипные представления носителей языка о ситуации запрета и ее типичных составляющих (слотах): что выступает объектом табуирования / детабуирования, что или кто является источником (мотивирующим фактором) установления табу, кто участвует в ситуации и в каких ролях, какие действия осуществляют участники ситуации, каковы пространственно-временные условия табуирования / детабуирования и т. д. По своему содержанию ситуация запрета представляет собой каузативную ситуацию с бинарными причинно-следственными отношениями.

Специфика табу как особого типа социального запрета обусловлена подразумеваемой категоричностью предписаний и обязательностью их исполнения, а также наличием санкций в отношении того, кто эти предписания нарушает. Указанный смысловой компонент в семантике слова *табу* актуализируется в регулярных атрибутивно-именных словосочетаниях с прилагательными с лексическим значением интенсивности признака, в форме превосходной степени, а также, как правило, с дополнительной характеризующей и эмоционально-оценочной коннотацией, напр.: *строжайшее табу* (Комсомольская правда, 12.12.2012), *жесткое табу* (Комсомольская правда, 20.12.2010), *аб-*

солотное табу (Труд-7, 23.04.2009), *категорическое табу* (Комсомольская правда, 23.04.2013), *безусловное табу* (Комсомольская правда, 23.11.2010), *самое большое табу* (Комсомольская правда, 10.08.2012), *жесточайшее табу* (Известия, 05.05.2006), *полное табу* (Известия, 25.04.2013). Как видно из примеров, прилагательные представляют верхний порог шкалы интенсификации, в основе их использования – субъективное отношение автора к описываемым явлениям и событиям с точки зрения их соответствия ценностной парадигме, убежденность в безусловности и безоговорочности соблюдения нормы.

Наименованием *табу* в текстах СМИ могут быть обозначены самые различные типы запретов как инструментов регуляции социального или личностного поведения, ср.: *общественные табу* (Комсомольская правда, 12.05.2011) и *свои собственные табу* (Известия, 08.06.2012), *официальные табу* (Советский спорт, 01.02.2013) и *негласные табу* (Известия, 13.10.2013), *священные табу* (РИА Новости, 17.07.2006) и *добровольные табу* (Труд-7, 20.05.2005). При этом высока доля контекстов, в которых речь идет не о традиционных табу как особой части общей системы законодательных, социокультурных или моральных норм, для которой всегда были характерны принудительность, ритуальность и т. п. черты, а о «персонализированных» табу как личных предпочтениях отдельного человека, способствующих его самореализации и самовыражению, напр.: *Когда Ди Каприо предложили роль в «Пляже», актер наложил недельное табу на такую пищу* (Труд-7, 04.09.2008); *Я не берусь за параллельные проекты, будем считать, что у меня такое табу. Театром я занимаюсь в нерабочее время* (Труд-7, 2008.09.04).

Широко представлены в языке СМИ предложно-падежные конструкции «*табу* + предлог *на* + сущ. в вин. пад.» с указанием на объект, в отношении которого устанавливается норма табуирования с очевидной для читателей газеты историко-культурной и социально-политической обусловленностью, напр.: *табу на употребление спиртных напитков* (Известия, 30.05.2014); *табу на общение с предками* (Комсомольская правда, 14.03.2007); *табу на убийство человека* (Комсомольская правда, 05.02.2014). В то же время расширение контекстуальной сочетаемости слова в языке СМИ приводит и к расширению его значения за счет фокусирования таких смыслов, как ‘ограничение’, ‘отказ’: *табу на хобби* (Советский спорт, 14.02.2013), *табу на скидку* (РИА Новости, 02.02.2010), *табу на социальные сервисы* (Советский спорт, 01.06.2010), *табу на матчи Словении* (Советский спорт, 25.05.2010), *табу на возведение зданий* (Известия, 15.04.2013).

В качестве объекта табуирования в языке СМИ наиболее регулярно выступают виды деятельности, модели поведения, типы дискурсов, а также знаки, речевые единицы, предметы: *на общение со СМИ наложилось табу* (Советский спорт, 25.03.2013); *в рядах органов внутренних дел временное табу на коррупцию* (РБК Daily, 09.03.2011); *снято табу на обсуждение темы о необходимости привлечения в страну мигрантов* (РБК Daily, 12.08.2009); *но*

отношения в семье ребята с друзьями не обсуждали – это было табу (Комсомольская правда, 15.02.2013); *введено табу на номер 13 на болиде* (РБК Дейли, 22.03.2013), *на черную икру официальное табу* (Советский спорт, 01.02.2013); *низкокалорийные диеты с табу на сладости* (Комсомольская правда, 09.07.2012).

В языке СМИ наблюдается семантическое и стилистическое разнообразие глагольно-субстантивных сочетаний, описывающих действия каузирующего субъекта, имеющего право *наложить табу, ввести табу, установить табу, поставить табу, сделать табу* и в то же время *снять табу, отменить табу, разрушить табу, развеять табу, освободить от табу*. В качестве каузирующих субъектов ситуации табуирования / детабуирования в языке СМИ представлены как государства, социальные институты, законодательные и исполнительные органы власти и их представители, законодательные акты и иные нормативные документы: *Россия ввела табу* (РБК Daily, 11.08.2010); *международное сообщество сняло табу* (Новый регион 2, 31.08.2007); *Кремль снимет табу* (Труд-7, 28.07.2010); *московские власти наложат табу* (Труд-7, 27.08.2008); *немецкий канцлер разрушила многие табу* (РБК Daily, 19.07.2007); *президент снял табу* (РБК Daily, 27.04.2007); *проект закона устанавливает табу* (РИА Новости, 04.05.2001).

Глагольно-субстантивные сочетания, описывающие действия каузируемого субъекта, преимущественно обозначают ситуацию отказа от соблюдения запретительной нормы (*нарушить табу, преодолеть табу, перешагнуть табу, освободиться от табу*), то есть такую ситуацию, когда каузируемый субъект не приобрел ожидаемого каузируемого состояния: *федеральные телеканалы нарушили табу* (Известия, 20.07.2010); *Вашим двухтомником «200 лет вместе» Вы недавно предприняли попытку преодолеть табу* (Комсомольская правда, 31.07.2007); *но Олег перешагивает через это табу* (Труд-7, 19.10.2010).

Поскольку многие запретительные нормы имеют не универсальный, а национально, культурно, социально обусловленный характер, в контекстах постоянно актуализируется то пространство, рамками которого ограничено действие табу, для чего используются различные лексические и грамматические единицы со значением локативности: *табу даже в свобододобивой Франции* (Труд-7, 09.09.2008); *такие же табу наложены в Италии, Швеции, Ирландии, Словении, Финляндии* (РИА Новости, 05.4.2010); *на Западе вообще на слово «старость» табу* (Комсомольская правда, 11.03.2013); *табу в нашем обществе* (Труд-7, 12.09.2009); *данное табу имеет в русском народе давнюю традицию* (Комсомольская правда, 25.01.2013); *тема секса все еще является табу для школы и в какой-то степени для семьи* (РИА Новости, 23.11.2009); *это здесь главное табу* (Комсомольская правда, 06.05.2012); *там были идеологические табу* (Комсомольская правда, 26.2.2013); *у отечественных родителей табу на избивание детей имеется и так* (Труд-7, 05.08.2010); *у нас дома ... действует жесточайшее табу* (Известия, 05.05.2006); *показ фриволь-*

ных фильмов по телевизионным каналам до двенадцати ночи у нас в столице – это табу (Комсомольская правда, 13.05.2011).

Не менее значимым оказывается и указание на период времени, в течение которого осуществляется процесс табуирования / детабуирования: **отныне на них – табу** (Комсомольская правда, 19.07.2010); **теперь табу молчания снято** (Известия, 23.05.2012); **вчера это табу нарушили** (Советский спорт, 22.11.2011); **это табу сегодня преодолевается** (Комсомольская правда, 13.12.2011); **при Буше и ДНАО ... были почти что табу** (РИА Новости, 04.05.2010); **табу еще со времен Билозерчева** (Советский спорт, 17.04.2012).

Следует обратить внимание на то, что журналисты нередко оценивают существование каких-либо запретов в обществе с точки зрения личного опыта, актуализируя в значении слова *табу* такие компоненты, как ‘протест против устоявшихся норм и выражение собственной позиции’, ‘то, что можно нарушить и остаться безнаказанным’, ‘то, что утратило жесткие санкции’, ‘неприятие запретительных норм, от которых можно отказаться’, ‘возможность выбрать для себя те запреты, которым следовать, а которым нет’, что эксплицируется в попытках представить ассоциативную или дефиниционную семантизацию слова, напр.: **но табу – именно то, что так сладко нарушить** (Известия, 29.06.2010); **договор о всеобъемлющем запрете на ядерные испытания был почти что табу** (РИА Новости, 13.08.2005); **подобные табу дискредитируют авторитет власти** (Известия, 01.07.2014); **несмотря на все остроумие, фонтанирующую фантазию и нарочитое нарушение табу**, Триер не сказал в «Нимфоманке» ... **ничего нового** (Известия, 13.02.2014); **для него нет табу, нерушимых символов и неприкосновенных персон** (Известия, 05.01.2014); **никакие табу не мешали повстанцам воевать самым современным оружием** (Комсомольская правда, 03.05.2013); **Мы снимем все табу и запреты!** (Комсомольская правда, 24.04.2013), **он приучил самостоятельно искать ответы на интересующие их вопросы, не признавая запретных тем и не считаясь с табу** (Известия, 26.09.2012). При этом семантизация в большинстве случаев имеет эмоционально-оценочный характер, а в целом ряде контекстов можно отметить нарушение норм лексической сочетаемости, возможно, осознанное используемое журналистами как прием языковой игры: **запрет налагает табу** (Известия, 12.07.2012); **утвердилось табу на бессмысленное издевательство над животными** (Известия, 10.02.2014); **я не делаю для себя табу на какие-то продукты** (Труд-7, 08.04.2009).

Тексты СМИ, представленные в НКРЯ, позволяют обнаружить широкую вариативность употребления слова *табу* в газетном дискурсе. Семантическая структура слова *табу* постепенно видоизменяется: табу предстают в виде *неписанных правил*, которые *подпирают (а чаще заменяют) закон*, позволяют *расширить границы дозволенного*. Являясь тем, *что так сладко нарушить*, табу утрачивают свою обязательность: их можно *обойти, снять, развеять, переломить*, от них можно *отказаться*.

Литература

1. Коньков, В. И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития / В. И. Коньков, А. Н. Потсар, С. И. Сметанина // Современная русская речь: состояние и функционирование / под ред. С. И. Богданова [и др.]. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – С. 67–81.
2. Кечкеш, И. Слово, контекст и коммуникативное значение / И. Кечкеш // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 7–18.